

УДК 340.1

**ОБЗОР «КРУГЛОГО СТОЛА» ЖУРНАЛОВ «ГОСУДАРСТВО И ПРАВО»,
«ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ», «ВЕКТОР НАУКИ ТГУ. СЕРИЯ:
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ» НА ТЕМУ: «РАЗРАБОТКА ПРОЕКТА КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОЙ
ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ»**

© 2015

А.В. Малько, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор
Саратовский филиал Института государства и права РАН, Саратов (Россия)

Д.А. Липинский, доктор юридических наук, профессор,
заместитель ректора – директор Института права

А.Н. Станкин, кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории государства и права Института права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В статье приведен обзор научно-практической конференции, проведенной при поддержке РГНФ, проект 15-03-140536 г. Участники конференции обосновывают свое мнение о структуре проекта концепции правовой политики в сфере юридической ответственности. Разрабатываются разделы проекта, посвященные отдельным направлениям правовой политики в сфере юридической ответственности.

Ключевые слова: концепция правовой политики, юридическая ответственность, правонарушение, виды правовой политики, позитивная ответственность, юридическая ответственность за правонарушение.

В своем выступлении **ведущий «круглого стола» директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный редактор журнала «Правовая политика и правовая жизнь» А.В. Малько** отметил, что стало уже хорошей традицией проводить в апреле «круглый стол» по разработке проекта концепции правовой политики современной России в сфере юридической ответственности в стенах Института права Тольяттинского государственного университета.

Утвердив в общем и целом структуру вышеназванного доктринального документа, важно двигаться дальше по наращиванию его содержания. Чтобы логика проекта была единой, нужно, учитывая различные точки зрения на феномен юридической ответственности, базироваться, соответственно, и на едином ее понимании. Необходимо также сразу договориться и о том, что «брать в проект не надо», от чего следует отказаться.

Между тем важно иметь в виду, что доктринальный документ – особый жанр научного произведения. Это не монография, не статья, не концепция конкретного законопроекта. Это нечто иное. Особенности его состоят в том, что, во-первых, данный документ призван сочетать в себе специфическую монографичность (но обобщения в нем более высокого уровня, чем в обычной монографии) и концептуальный характер (который, в частности, предполагает концентрированную и системную форму изложения научной информации); во-вторых, он ориентирован как на науку, так и на практику (правотворческую и правоприменительную).

Важно предложить такие научные наработки, которые затем могли бы быть использованы для выстраивания правовой политики в сфере конкретного юридического инструмента – юридической ответственности.

Параллельно с данным документом нужно работать и над словарем по юридической ответственности. Считаю, что проект концепции правовой политики современной России в сфере юридической ответственности и словарь «Юридическая ответственность» – взаимосвязанные продукты, влияющие друг на друга. С одной стороны, наработки словаря помогут в изложении такого раздела проекта концепции, как «Общие начала российской правовой политики в сфере юридической ответственности», где будет дан перечень понятий, используемых в данном проекте. С другой стороны, словарь важно «не отрывать» от разрабатываемого проекта концепции, а, наоборот, попытаться насытить его духом доктринального документа, дать в нем не столько имеющийся за-

конодательный, сколько научный уровень проблем, связанных с юридической ответственностью.

После того как будут отдельно опубликованы «Проект концепции правовой политики современной России в сфере юридической ответственности» и словарь «Юридическая ответственность», можно будет эти два продукта объединить и издать единой книгой, назвав ее следующим образом: «Правовая политика современной России в сфере юридической ответственности: словарь и проект концепции».

Заместитель ректора – директор Института права Тольяттинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, ответственный редактор журнала «Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки» Д.А. Липинский свое выступление посвятил проблемам принципов правовой политики в сфере юридической ответственности.

Во-первых, принципы правовой политики в сфере юридической ответственности своим содержанием должны охватывать как позитивную, так и негативную юридическую ответственность, что не исключает отнесение отдельных принципов исключительно к ответственности за правонарушение.

Во-вторых, принципы юридической ответственности – это отправные идеи, отражающие сущность и назначение юридической ответственности и выступающие императивными требованиями прежде всего для правоприменителя и законодателя.

В-третьих, хотелось бы акцентировать внимание на тех отправных идеях, которые относятся, прежде всего, к позитивной юридической ответственности. Так, в юридической науке, несмотря на имеющиеся разногласия по отдельным аспектам понимания, достаточно подробно разработан принцип неотвратимости юридической ответственности. Однако его разработанность касается, прежде всего, ответственности за правонарушение. Между тем этот принцип распространяется и на позитивную юридическую ответственность. Известно, что правонарушение становится таковым только после его законодательного закрепления. То или иное деяние, носящее общественно опасный характер, может длительное время оставаться вне правового поля. Причины этого, как правило, кроются в медлительности законодателя, устанавливающего юридическую ответственность. Поэтому за общественно опасные деяния необходимо неотвратимо устанавливать запреты и обязанности, которые соответственно должны реализовываться в правомочном поведении субъектов общественных отношений.

В-четвертых, как одну из составляющих позитивной ответственности мы рассматриваем и применение к субъекту мер поощрения. Анализ законодательства показывает, что у компетентных органов отсутствуют обязанности рассмотреть поступок субъекта, превышающий обычные нормативные требования и заслуживающий поощрительных мер. Между тем возложение таких обязанностей, несомненно, способствовало бы правомерной социальной активности граждан.

В-пятых, еще один аспект принципов, на котором нам бы хотелось остановиться. Как и в отношении принципа неотвратимости, в юридической литературе достаточно подробно исследован принцип индивидуализации юридической ответственности. Однако его исследования относятся к негативному аспекту юридической ответственности, и вполне умозрительным выглядит индивидуализация мер позитивной юридической ответственности. Между тем индивидуализированы должны быть как меры позитивной, так и меры негативной юридической ответственности.

В.К. Дуонов, доктор юридических наук, профессор, проректор Самарской гуманитарной академии по научной работе, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации поддержал А.В. Малько, что начинать следует с разработки плана и структуры проекта концепции. При этом за основу могут быть приняты проект концепции правовой политики, которую еще в 2008 г. опубликовал Александр Васильевич, а также значительные наработки как по проблеме правовой политики, так и по проблеме юридической ответственности, имеющиеся в отечественной науке и, не в последнюю очередь, труды А.В. Малько, Р.Л. Хачатурова, Д.А. Липинского и других ученых. Вполне приемлема предлагаемая Александром Васильевичем примерная структура проекта концепции.

Концепция должна быть как можно более краткой и единой, содержать в себе результат некоего консенсуса, а чтобы быть практически полезной, она должна быть социально и научно обоснованной, понятной и реализуемой.

На мой взгляд, в содержании Концепции и, соответственно, в ее структуре обязательно должны получить отражение, в частности, следующие ключевые вопросы.

1. Понятие правовой политики как целенаправленной деятельности государства (при поддержке институтов гражданского общества и отдельных граждан), направленной на поиск, разработку и реализацию стратегии и тактики, генеральной линии развития в соответствующей сфере социальной жизни, которая имеет разные направления и разные формы, и которая, главное, всегда осуществляется в правовом поле. Кратко, но емко должно быть сказано о целях, содержании, объектах и субъектах осуществления правовой политики именно в сфере юридической ответственности.

2. Понятие юридической ответственности как одного из видов социально ответственного поведения, ее природы, сущности и целей, оснований возникновения, содержания и пределов, места в механизме правового регулирования и в механизме правового воздействия, соотношения с соответствующими «смежными» категориями.

Признавая существование разных видов ответственности (дисциплинарной, административной, гражданско-правовой, уголовной и др.), перечисленные вопросы следует решить и применительно к ним, а в случае нахождения консенсуса в вопросе о признании существования наряду с ретроспективной еще и позитивной ответственности – также и применительно к данным аспектам ответственности. По видам ответственности – представляется правильным ограничиться их основными видами, «привязанными» к существующим основным отраслям права, «плодить» их по субъективному разумению некоторых ученых, на мой взгляд, достаточных оснований нет.

3. Принципы правовой политики в сфере юридической ответственности как основополагающие начала, руководящие идеи, определяющие стратегию и тактику государственных органов в сфере установления юридической ответственности и ее реализации. В Концепции, на мой взгляд, должны получить отражение, в частности, такие важнейшие принципы, как законность, справедливость, гуманизм, обоснованность и целесообразность правовых предписаний (криминализации и пениализации общественно опасных деяний), равенство граждан перед законом, неотвратимость правового воздействия в случае совершения правонарушения. Следовало бы признать принципиально важное значение юридико-технических требований минимальной достаточности правовой репрессии (в особенности «экономии» ее уголовно-правовой разновидности), а также приоритета стабильности законодательства перед его изменчивостью.

В своих выступлениях **доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Казанского федерального университета О.И. Зазнаев и кандидат юридических наук, старший преподаватель Казанского федерального университета Р.Ф. Гарипов** раскрыли необходимость разграничения политической и юридической ответственности.

Политическая ответственность в современной России построена по институциональной модели с определяющим значением субъективных критериев. Каждый участник политических отношений обременен возможностью наступления для него негативных последствий в результате нарушения политико-правовых норм. В этом проявляется действие ключевого принципа – индивидуализации политической ответственности.

Использование правовых форм является единственным способом закрепления оснований и условий юридической ответственности. Однако применение политической ответственности также может сопровождаться правовой регламентацией отдельных ее элементов, что вкладывается в понятие формы ответственности. У политической ответственности следует выделять как субъективные, так и объективные компоненты. Последние выражаются в формальном закреплении ее оснований и условий. Исходя из этого, форма политической ответственности партийных организаций выступает средством отражения содержательной части политических норм, которые регламентируют их деятельность.

В Российской Федерации сложилась законодательная база, в которой находит выражение целый комплекс политических норм, в том числе по вопросам привлечения к политической ответственности. В некоторых нормативных актах установлены условия ответственности, возникающей за нарушения не юридического, а политического свойства. К числу таких нормативных документов следует отнести и Федеральный закон № 95-ФЗ.

Очевидно, что механизм приостановления и отказа в регистрации партийной организации по «размытым» основаниям может использоваться как реакция государства на нарушение партиями не только правовых, но и политических норм. Данный вывод подтверждается тем обстоятельством, что действующее законодательство не воспринимает отказ или приостановление как юридическую обязанность регистрирующего органа, т. е. и фактически, и формально уполномоченный орган, осуществляющий регистрационный надзор над деятельностью политических партий, применяет указанные меры исключительно по своему убеждению без ограничения во времени.

Вместе с тем политическая ответственность партий, в отличие от юридической, не ограничивается только основаниями, которые получили прямое закрепление в Федеральном законе № 95-ФЗ. Из анализа содержания иных положений данного закона можно выявить другие случаи, при наличии которых государство вправе использовать меры негативного воздействия на партийные организации. Указанные меры не вписываются в рамки

юридической ответственности, потому что их основанием в отдельно взятых случаях являются нарушения не правового, а политического характера. Вследствие этого предлагается расценивать данные примеры как проявление политической ответственности, имеющей нормативно-правовую форму закрепления.

Возможны три варианта формализации политической ответственности в законодательстве о партиях: во-первых, закрепление конкретной меры политической ответственности (приостановление / отказ в государственной регистрации, проведение внеплановых проверок в рамках государственного надзора, приостановление / ликвидация деятельности партии); во-вторых, закрепление оснований возникновения политической ответственности без установления санкций; в-третьих, установление отдельных условий политической ответственности.

В своем выступлении кандидат юридических наук, доцент Пензенского государственного университета С.Ю. Суменков обратил внимание на сложную и неоднозначную взаимосвязь юридической ответственности с таким феноменом, как исключения в праве, отметив, что в Концепции должен содержаться обязательный раздел, посвященный исключениям в юридической ответственности.

Исключения в праве – это допускаемые юридическими нормами и закрепленные в них, отличные от общеустановленных правил положения, реализуемые уполномоченными на то субъектами при определенных условиях.

Посредством исключений из общих правил государство, оценивая реальное состояние общественных отношений, устанавливает преимущества либо ограничения, дополнения либо изъятия.

Исключения и юридическая ответственность неотделимы друг от друга, ибо ответственность наступает и воплощается по определенным правилам, из которых могут и должны быть исключения, придающие гибкость правовому регулированию. При этом исключения не должны подменять правила, а, напротив, внутренне им соответствовать, быть направленными на достижение единых целей и задач.

Юридическая ответственность образует нормативную конструкцию, которую составляют нормы материального и процессуального права, устанавливающие санкцию и другие меры принуждения, подлежащие применению в случае правонарушения, порядок (процесс) и последовательность осуществления данных мер, а равно норм, определяющих права лица, привлеченного к ответственности. Претворение в жизнь каждого из элементов данной нормативной конструкции происходит как по правилам, так и с использованием исключений из них. Подобное характерно для любой стадии реализации юридической ответственности.

Исключения широко применяются в сфере реализации юридической ответственности, что объясняется необходимостью дифференцированного подхода при осуществлении репрессии.

Пожалуй, наибольшие споры в сфере реализации юридической ответственности вызывает такое исключение, как правовой иммунитет отдельных категорий субъектов.

Взаимосвязь правовых исключений и норм, составляющих институт юридической ответственности, нуждается в дальнейшем теоретическом изучении и научном осмыслении. Думается, что в проекте концепции необходимо специальный раздел посвятить исключениям в сфере юридической ответственности.

По концептуальным проблемам правовой политики в области реализации юридической ответственности выступил кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ

И.А. Кузьмин. В своем выступлении он отметил, что сфера проявления проблем реализации юридической ответственности охватывает собой правотворчество (в части установления механизмов возложения юридической ответственности) и правореализацию (в части практического осуществления юридической ответственности различными субъектами). В целях оптимизации предлагается воспринять двуединую концепцию юридической ответственности в объективном и субъективных смыслах (на нормативном и индивидуальном уровнях правового регулирования), а также единый подход к модели реализации юридической ответственности и его формам: государственно-принудительной и добровольной. С нашей точки зрения, учет объективно-субъективной сущности и особенностей юридической ответственности, общей модели ее осуществления в процессе правотворчества и правореализации является необходимым и принципиально важным шагом для дальнейшего разрешения всех структурных блоков рассматриваемой проблематики. Причем проект концепции юридической ответственности должен строиться исходя из двуединого понимания юридической ответственности, а в самом проекте необходимо отдельный раздел посвятить добровольной (позитивной) юридической ответственности.

Ученый секретарь Саратовского филиала Института государства и права РАН, кандидат юридических наук К.Е. Игнатенкова привлекла внимание к необходимости закрепления на концептуальном уровне принципов и механизмов ужесточения ответственности. Дело в том, что некоторые механизмы (например, установление «завышенной» ответственности, не соответствующей тяжести нарушенных норм наказания за нарушение запрета или неисполнение обязанности), несмотря на их действенность в плане достижения ближайшего, «поверхностного» результата, входят в противоречие со стратегическими целями воспитания и управления, что в конечном счете может свести на нет весь положительный эффект.

Основной принцип использования ответственности в механизме правового регулирования – добиться ее неотвратимости, а не чрезмерной суровости. Эффективность запрещающих норм зависит не только и не столько от жесткости санкций, сколько от безальтернативности привлечения виновного к ответственности и претерпевания им лишений. Даже самые строгие наказания не станут мотивом, останавливающим индивида на пути совершения преступления, если он знает, что возможность их реализации, т. е. вероятность привлечения его к ответственности, крайне невелика.

Ужесточение ответственности – это в любом случае реакция государства на изменение общественных отношений. Однако ужесточение ответственности и наказаний даже в той сфере, где это объективно необходимо, должно происходить не чисто механически, путем «наращивания» количественных показателей, а обоснованно, с учетом общественного мнения, исторического опыта, а также общемировых тенденций. Карательные, репрессивные меры должны в любом случае сочетаться с элементами стимулирования, поощрения, с тем чтобы в механизме правового регулирования соблюдался баланс негативных и позитивных средств. При этом особое внимание в правовом регулировании, на наш взгляд, следует уделить психологическому аспекту, повышению правовой культуры населения, формированию устойчивых правовых ценностей и идеалов, что позволит перейти от «поверхностного» законопослушания вследствие «страха перед ответственностью» к сознательной, волевой матрице правомерного поведения.

Профессор кафедры предпринимательского и трудового права Тольяттинского государственного университета, доктор юридических наук А.А. Гогин обратил внимание на необходимость разграничения в проекте концепции правовой политики понятий «правонарушение», «преступление» и «проступок»,

а в самой Концепции необходимо отдельный раздел посвятить основаниям юридической ответственности, где следует разграничить данные понятия. Кроме того, многие нормативные акты не содержат понятий соответствующих видов правонарушений, в связи с чем возникает необходимость их законодательного закрепления.

По нашему мнению, в БК РФ, КоАП РФ, НК РФ, а также в иных законах, предусматривающих меры юридической ответственности за антиобщественное поведение, не имеющее характера преступления, необходимо сформулировать и закрепить не только понятие конкретного правонарушения, но и его дефиницию – проступок.

В соответствующих юридических конструкциях должны присутствовать все основные признаки, разработанные отечественной правовой наукой, а при необходимости – и существенные особенности, подчеркивающие отраслевую принадлежность деяния. Предлагаемые корректировки призваны способствовать более четкой дифференциации противоправных деяний.

В своих выступлениях **доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Тольяттинского государственного университета Т.М. Клименко и кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии О.В. Тюшнякова** отметили, что уголовно-правовая политика, являясь частью правовой политики государства, должна отражать основные направления, цели, задачи и принципы борьбы с преступностью в конкретный исторический период.

В настоящее время направления уголовной политики носят, скорее, локальный, разрозненный характер даже уже и не борьбы, а реагирования на отдельные виды преступности – например, коррупционной, насильственной, наркопреступности и т. д., в том числе при установлении размеров и видов наказаний за совершение указанных и других преступлений.

Действительно, с одной стороны, законодатель, учитывая рекомендации Международных стандартов о сокращении применения тюремного заключения, старается сделать все возможное, чтобы суды чаще применяли альтернативные лишения свободы наказания и меры уголовно-правового воздействия, принимая новые законы и изменяя уже действующие. С другой стороны, не все вносимые изменения свидетельствуют о гуманизации уголовной политики в части назначения наказания.

Так, например, за последние пять лет произошло поэтапное существенное увеличение размера штрафа до 5 млн при его исчислении в твердой денежной сумме, и до 500 млн рублей за совершение взяточничества (ФЗ от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ); с 240 часов до 480, то есть в два раза, увеличился срок обязательных работ (ФЗ от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ); появился новый срок исчисления лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, назначаемо в качестве дополнительного, – 20 лет (ФЗ от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ). Думается, что это не гуманизация, а «псевдогуманизация» уголовной ответственности. На наш взгляд, проект концепции правовой политики должен содержать направления ее реальной гуманизации, которая носила бы системный характер, а не отдельных изменений, которые идут в разрез с уже существующими направлениями.

Доцент кафедры предпринимательского и трудового права Тольяттинского государственного университета, кандидат юридических наук Е.В. Чуклова в своем выступлении отметила, что важность формирования основных направлений правовой политики в сфере процессуальной ответственности определяется особой ролью процессуальной ответственности в системе юридической ответственности и в правовой системе в целом.

Правовая политика в сфере процессуальной ответственности является формой выражения фактического отношения государства к функционированию различных видов юридического процесса.

Государственная власть путем реализации правовой политики в сфере процессуальной ответственности формирует основу борьбы с негативными явлениями в сфере юридического процесса: уклонение от явки в суд или органы предварительного следствия в качестве свидетеля или потерпевшего; умышленное затягивание сроков рассмотрения дел самими участниками процесса; злоупотребление правом; ненадлежащее соблюдение и (или) нарушение правовых ограничений, обусловленных применением мер процессуального принуждения; неисполнение судебных решений; дача заведомо ложных показаний; нарушение процедуры принятия нормативно-правовых актов и др.

В связи с этим в качестве основных направлений правовой политики в сфере процессуальной ответственности можно назвать следующие.

Во-первых, необходимо закрепить перечень процессуальных правонарушений, определить круг участников охранительных общественных отношений, складывающихся при реализации процессуальной ответственности. Закон должен стать основным инструментом привлечения к процессуальной ответственности лиц, совершивших процессуальное правонарушение.

Во-вторых, без научного обоснования построить четкую систему борьбы с процессуальными правонарушениями невозможно. В связи с этим значение правовой политики в сфере процессуальной ответственности состоит в закреплении в законодательстве универсальных правил процессуальной деятельности, в разработке рекомендаций, направленных на совершенствование действующих нормативно-правовых актов, т. к. деятельность законодателя и правоприменителя зависит и от результатов соответствующих научных исследований.

В своем выступлении **кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и трудового права Тольяттинского государственного университета И.В. Попядухина** акцентировала внимание на проблеме правовой политики в сфере дисциплинарной ответственности. Законодатель не дает легального определения дисциплинарной ответственности. Различные авторы по-разному трактуют данное определение. В этом состоит первая проблема. Считаем, что следует внести изменение в Трудовой кодекс РФ и дать легальное определение дисциплинарной ответственности, которое будет звучать как особый вид юридической ответственности, при которой работник обязан претерпевать неблагоприятные последствия, предусмотренные нормами трудового права, за виновное, противоправное неисполнение или ненадлежащее исполнение своих трудовых обязанностей.

Стоит отметить, что в отличие от других видов юридической ответственности (уголовной, административной, гражданско-правовой) субъектом привлечения может быть только работник. Лица, работающие по гражданско-правовым договорам, привлечены к дисциплинарной ответственности быть не могут.

Второй проблемой является то, что не разработаны критерии тяжести дисциплинарного проступка, на которые работодатель должен опираться при вынесении дисциплинарного взыскания.

В статье 192 ТК РФ говорится, что при наложении дисциплинарного взыскания должны учитываться тяжесть совершенного проступка и обстоятельства, при которых он был совершен. При этом ни в одном нормативном правовом акте нет пояснения, что является критерием при определении тяжести дисциплинарного проступка. Считаем, что стоит дополнить ст. 192 ТК и разработать такие критерии. Кроме этого, стоит указать, что является уважительной причиной совершения дисциплинарного проступка.

Считаем, что целесообразно дополнить главу

Трудового кодекса о дисциплине труда и создать раздел, который будет называться «Дисциплинарная ответственность отдельных категорий работников», в которой будут отражены особенности привлечения к дисциплинарной ответственности отдельных категорий работников.

Кандидат юридических наук, заведующий кафедрой предпринимательского и трудового права Тольяттинского государственного университета О.Е. Репетева отметила, что в условиях формирования правового государства и гражданского общества значение юридической ответственности весьма усиливается. Немаловажная роль при этом отводится нормам трудового права, регламентирующим возмещение материального ущерба, причиненного одной стороной трудового договора другой стороне. Они обеспечивают соблюдение дисциплины труда и профилактику неправомерного поведения. При возмещении ущерба устраняются последствия нарушения имущественных прав сторон, чем достигается и восстановительный эффект правового регулирования. Установление специальных процедур привлечения работника к ответственности и правил возмещения работодателем вреда создает гарантии сохранности имущества работодателя от порчи, уничтожения, утраты и т. д., а заработной платы – от незаконных удержаний.

Общие черты материальной ответственности работодателя и работника не исключают их дифференциации и относительной самостоятельности, которые связаны с тем, что одной стороной трудового договора является физическое лицо – работник, а другой – чаще всего юридическое лицо – работодатель; они не равны по своим экономическим и иным возможностям, работодатель обладает властно-организационными полномочиями в отношении работников. Эти факторы определяют различия материальной ответственности сторон трудового договора: а) если работники, по общему правилу, несут ограниченную материальную ответственность, то работодатели – полную; б) в отличие от материальной ответственности работодателя материальная ответственность работников дифференцирована; в) в отношении работников обычно действует презумпция их невиновности, в отношении работодателей – презумпция виновности.

Дифференциация пределов (размеров) материальной ответственности работника осуществляется в зависимости от характера имущественного правонарушения, формы вины работника, трудовой функции, выполняемой работником, наличия письменного договора или разового документа в случае недостачи вверенных работнику денежных средств или иных ценностей и от других обстоятельств. Сопоставление размера ответственности с заработной платой причинителя ущерба является основным принципом материальной ответственности в трудовом праве. Полная материальная ответственность может возлагаться на работника лишь в случаях, предусмотренных ТК РФ или иными федеральными законами. Но ответственность руководителя организации наступает независимо от того, включено ли указанное условие в трудовой договор. Таким образом, ТК РФ усилил материальную ответственность руководителя.

В свою очередь, работодатель должен возместить работнику ущерб, возникший в результате незаконного лишения его возможности трудиться, обусловленный трудовым договором, или ущерб, причиненный имуществу работника. Впервые в ТК РФ была внесена ст. 236, предусматривающая ответственность независимо от вины работодателя: за задержку выплаты заработной платы, пособий и других выплат, причитающихся работнику.

В ТК РФ должным образом не урегулированы отношения, возникающие вследствие причинения вреда здоровью работника. В ст. 220 ТК РФ лишь в общей форме указывается, что в случае причинения вреда жизни и здоровью работника при исполнении им трудовых обязанностей возмещение вреда осуществляется в со-

ответствии с федеральными законами. Действующий ФЗ РФ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» не регламентирует ответственность в случае причинения вреда работнику из-за умышленного нарушения работодателем требований по охране труда. Ответственность работодателя в указанных случаях наступает на основе норм ГК РФ. Полагаем, что в целях защиты прав работников и стимулирования работодателя к созданию безопасных условий труда целесообразно данные отношения закрепить в ТК РФ в отдельной главе.

В своем выступлении **кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и трудового права Тольяттинского государственного университета Э.А. Джалилов** акцентировал внимание на направлениях правовой политики в сфере интеллектуальной собственности. Правовая политика в сфере интеллектуальной собственности является одной из самых динамичных. Государство вынуждено оперативно реагировать на изменения, происходящие в сфере разработки и внедрения новых информационных технологий, новых товаров и услуг, новых произведений, изобретений и других объектов интеллектуальной собственности.

17 февраля 2015 г. прошло заседание президиума Совета при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России. Данное заседание было посвящено государственной политике в сфере интеллектуальной собственности. Д.А. Медведев отметил, что вопросы регулирования интеллектуальной собственности являются ключевой темой современной действительности. Правовая охрана объектов интеллектуальной собственности призвана интегрировать результаты интеллектуальной деятельности в экономический оборот, чтобы они генерировали прибыль, выступали объектом правовых отношений, включая объекты залога, способствовали повышению капитализации бизнеса.

За последние годы в России разработано современное законодательство в этой области, к примеру, с 1 октября 2014 г. вступили в силу изменения в 4-ю часть Гражданского кодекса: был уточнен порядок распоряжения исключительными правами, более полно урегулированы отношения между правообладателями и пользователями. В 2014 г. заработала Единая государственная информационная система учета результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ гражданского назначения. Она позволяет более оперативно контролировать коммерциализацию изобретений, созданных за счет государственного бюджета.

Однако в правовой политике в сфере интеллектуальной собственности остаются нерешенными ряд проблем. К примеру, незначительное количество международных охраняемых документов на российские изобретения. По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности за 2013 год, Россия находилась на седьмом месте по количеству национальных патентных заявок, но при этом по количеству международных заявок в рамках договора о патентной кооперации наша страна занимала лишь 25-е место. Импорт интеллектуальной собственности в разы превышает экспорт, по оценкам экспертов, более чем в 11 раз, то есть мы гораздо больше используем иностранных патентов, чем патентуем сами за границей.

Нуждаются в доработке меры поддержки авторов изобретений, к примеру, упрощение налогового администрирования и совершенствование налогового учета результатов интеллектуальной деятельности. Д.А. Медведев в рамках указанного заседания президиума предложил исключить при расчете налога на прибыль доход, который возникает при постановке интеллектуальной собственности на баланс. Кроме этого, он внес ряд предложений по расширению полномочий бюджетных и автономных учреждений по распоряже-

нию объектами интеллектуальной собственности.

Реформа гражданского законодательства, проходящая в настоящее время, еще более усложнила работу с оформлением и защитой прав на объекты интеллектуальной собственности. Прогрессивным шагом стало введение в 2013 г. нового звена в судебной системе – Суда по интеллектуальным правам. С этого момента начинается относительное упорядочение судебной практики по рассмотрению споров в сфере интеллектуальной собственности.

В настоящее время сфера авторского права увеличивает охват объектов в связи с расширением работы депозитариев. Так, в правоприменительной практике нередко можно встретить оформление авторских прав на чертежи и описания изобретений, хотя ранее это была прерогатива исключительно патентного права и только в порядке государственной регистрации – изобретений, полезных моделей и промышленных образцов.

С 1 мая 2015 г. вступают в силу изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», согласно которым будет усилена охрана авторских прав. Например, на основании жалобы автора об использовании его произведения (целиком или частично) будут в течение 6 часов после поступления такого обращения блокироваться сайты сети Интернет. А чтобы восстановить работу информационного портала, его владельцу будет необходимо доказать правомерность использования чужого объекта интеллектуальной собственности. Причем доказательством правомерности использования произведения науки, литературы и искусства будет только документальное свидетельство (например, свидетельство о депонировании авторских прав).

Таким образом, правовая политика в сфере интеллектуальной собственности формируется в зависимости не только от состояния внутренней российской правовой системы, существующих на сегодняшний день проблем охраны и защиты интеллектуальных прав, но и в зависимости от международного законодательства и от появления новых видов товаров, услуг, ранее законодательно не урегулированных государством.

В своем выступлении старший преподаватель кафедры теории государства и права Тольяттинского государственного университета И.А. Александров акцентировал внимание на направлениях правовой политики в сфере ответственности религиозных объединений.

В научной литературе неоднократно говорилось об определенных сложностях, связанных с правовой политикой в области регулирования деятельности религиозных объединений в современной России. Данное регулирование осуществляется в соответствии с положениями ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» 1997 г., получившего довольно неоднозначную оценку со стороны различных исследователей.

Указанные сложности проявляются и в сфере противодействия российского государства тем или иным религиозным (псевдорелигиозным) объединениям, деятельность которых сопряжена с преступными посягательствами на различные общественные отношения. Здесь можно говорить о разнообразии терминологии, используемой для обозначения таких объединений; к примеру, возникает вопрос: уместно ли называть деструктивными все религиозные секты, или этот признак присущ только так называемым тоталитарным сектам? Соответственно, мы сталкиваемся и с противоречивостью принципов, критериев, используемых для отнесения какой-либо религиозной организации, группы к категории деструктивных. Встречаются соответствующие концепции, в рамках которых идеи светского государства соединяются либо заменяются воззрениями некоторых религиозных объединений (в частности, именуемых «традиционными») об истинной и ложных религиях, ересях и т. п. О серьезных опасностях «государственного характера»,

создающихся на почве неясного и неверного понимания значения «расколо-сектантства», говорил один из дореволюционных авторов А.М. Бобрищев-Пушкин, подчеркивая, что это выступает прямым следствием «системы замалчивания или тенденциозного освещения действительных фактов».

В этой связи, с нашей точки зрения, целесообразно проанализировать опыт правовой политики Российской империи по отношению к оппозиционным господствовавшей на тот момент православной церкви религиозным течениям, расценивавшимся как вредные для общества. При этом наибольший интерес представляет период отечественной истории, начиная со второй половины XIX в. до начала XX в., в рамках которого происходили различные рода реформы, в том числе затронувшие и законодательство о «расколе» (в широком смысле этого слова). Все это позволяет как выявить положения, возможно заслуживающие заимствования, так и избежать тех ошибок в конфессиональной политике, которые влекли серьезные последствия негативного характера для значительных групп населения Российской империи.

Актуальным является не просто формальный перенос современных терминов на законодательство предшествующих периодов. Необходимо сопоставление признаков рассматриваемых религиозных объединений с признаками, характеризующими используемые понятия, которые должны формулироваться в том числе на основе представлений о свободе совести и веротерпимости. На этом основании можно очертить круг деструктивных религиозных объединений, ответственность за принадлежность к которым устанавливается не в силу противоречия того или иного религиозного учения основным догматам какого-либо традиционного вероисповедания (например, православного), а только на основании жизненного проявления религиозного объединения, совершения его последователями в силу исповедуемых ими учений действий, несомкстимых с охраняемыми государственной властью важнейшими интересами частных лиц или основными требованиями общественной нравственности.

Старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права Самарского государственного экономического университета Т.В. Шутемова отметила дискуссионность вопроса о существовании криминалистической политики. В.Ю. Сокол включает криминалистическую политику в уголовную политику, наряду с уголовно-правовой, уголовно-пенитенциарной, оперативно-розыскной и криминологической, выделяя специфику указанной политики в том, что она главным образом связана с правоприменительной практикой, а не с законотворчеством. Он обоснованно пишет, что в настоящее время четко обозначились противоречия, обусловленные необходимостью определения баланса между требованиями эффективной борьбы с преступностью (прежде всего, в целях установления объективной истины по каждому уголовному делу) и соблюдением интересов неприкосновенности личности, частной жизни граждан, а также обеспечения состязательности сторон в уголовном процессе.

Разделяя в целом данную точку зрения, считаем невозможным эффективное противодействие преступности, применение норм уголовно-правового воздействия к совершившим преступления лицам без использования современных средств криминалистики, в том числе в рассмотрении судами уголовных дел. Так, УПК РФ не регламентирует возможность встречи-беседы государственного обвинителя в процессе подготовки к судебному разбирательству со свидетелями обвинения или потерпевшим, хотя необходимость такой встречи вполне может возникнуть в целях получения дополнительной значимой для поддержания обвинения информации. Во избежание неоправданной оценки такой встречи как формы воздействия на свидетеля или потерпевшего

предлагается осуществлять встречи-беседы вне судебного заседания, не предоставлять материалы уголовного дела, обеспечить аудио- или видеозапись, использовать специальную памятку-вопросник.

Несовершенство уголовного закона неизбежно осложняет доказывание. В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов совершенно справедливо указывали, что при формулировании запретов в УК уголовно-правовые разработки должны соотноситься с возможностями правоохранительной системы в преследовании тех или иных правонарушителей. Уголовно-правовые запреты должны быть реально доказуемы, а это предполагает активное использование не только процессуальных, но и не противоречащих закону непроецессуальных форм реализации уголовной политики.

В связи с изложенным, полагаем, что формирование и реализация уголовной политики должны происходить если не с учетом криминалистической политики, то с обязательным применением криминалистических возможностей правоприменительной деятельности.

Преподаватель кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук Р.С. Маркунин акцентировал внимание на формировании концепции правовой политики в сфере ответственности органов публичной власти.

В целях выстраивания единого механизма ответственности публичной власти назрела потребность в принятии концепции правовой политики в этом направлении, которая должна сформировать единый, внутренне непротиворечивый механизм ответственности властных субъектов, определить принципы, методы и средства привлечения их к ответственности.

Результатом разработки подобной концепции могла бы стать модель построения настоящего правового государства и гражданского общества. Для этого необходимо введение открытого и прозрачного режима власти, что должно быть наиболее важным условием контроля и прочих средств прямого и опосредованного влияния на содержание деятельности ее представителей. Существенным условием, способствующим выстраиванию эффективной правовой политики, является формирование особой системы мониторинга деятельности органов публичной власти.

Сегодня в России возникло взаимное отчуждение власти от народа. Нет согласия между обществом, государством и гражданином, которые все чаще не понимают друг друга, говорят на разных языках. Разработка предлагаемой нами концепции поможет найти необходимые компромиссы, учет и баланс интересов сторон, взаимное согласие и, что самое важное, ответственность власти.

Публичная власть должна нести также позитивную ответственность, поскольку органы власти даже при отсутствии с их стороны каких-либо противоправных действий тем не менее несут общую ответственность за безопасность своих граждан, создание необходимых условий для их нормальной жизнедеятельности, реализацию принадлежащих им прав и свобод.

В связи с вышеизложенным можно выделить следующие направления концепции правовой политики в сфере ответственности публичной власти:

1) возведение ответственности публичной власти в ранг одного из принципов функционирования государства, его органов и должностных лиц;

2) использование системного подхода к проблеме ответственности властных субъектов, установление единообразных критериев, принципов и процедур привлечения к ответственности, четкой регламентации ее процессуальной составляющей;

3) создание авторитетных и независимых СМИ, способных наладить связь между органами власти и гражданами с помощью передачи и распространения достоверной информации о работе органов публичной власти;

4) формирование высокого уровня правовой культуры, утверждение в обществе уверенности в справедливости государственной власти, беспристрастности и независимости суда и иных органов.

В связи с этим необходимы соответствующие изменения федерального и регионального законодательства, а именно четкое, с более высоким уровнем конкретизации закрепление прав, обязанностей и ответственности органов публичной власти и должностных лиц.

Доцент кафедры теории государства и права Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук В.Ю. Панченко и стажер-исследователь кафедры теории государства и права Сибирского федерального университета А.Е. Михалева в своем выступлении отметили, что на сегодняшний момент в условиях ускорения динамики развития и усложнения структуры правовой жизни российского общества, проблемы гарантирования устойчивости складывающихся социально-правовых взаимодействий, сокращения в их числе доли аномальных (дефектных) отклонений остаются актуальными и подлежат детальному изучению юридической наукой.

Среди правовых механизмов, действие которых направлено на достижение указанных целей, особое место занимает институт юридической ответственности, что в конечном счете и обуславливает объективную необходимость разработки единой концепции правовой политики, задающей общие рамки правового регулирования в данной сфере и способной служить ориентиром деятельности законодательных и правоприменительных органов.

Предложенная А.В. Малько структура доктринального документа может стать фундаментом его окончательного варианта, призванного лаконично и емко отразить позицию научного сообщества по одному из ключевых вопросов юриспруденции. При этом, на наш взгляд, в процессе составления проекта концепции важно учесть следующие аспекты.

Во-первых, введение, как вступительная часть к основному тексту, задающая общую тональность последующего изложения, не должно концентрироваться исключительно на характеристике современного состояния правонарушений. В противном случае (при подробном анализе существующего положения дел применительно к месту противоправных деяний в правовой жизни российского общества) приоритет, так или иначе, будет отдаваться освещению данных официальной статистики по правонарушениям в публично-правовой сфере, тогда как, например, деликты или дисциплинарные проступки могут остаться без должного внимания. С одной стороны, это изначально ограничит область исследования и фиксации отдельных вопросов, задавая вектор на рассмотрение положений документа преимущественно в контексте уголовно-правовой и административно-правовой ответственности. С другой стороны, включение во введение описания современных реалий через призму правонарушений определит превалирование ретроспективного подхода к пониманию юридической ответственности. Следовательно, думается, что своеобразная преамбула должна в первую очередь обосновать необходимость и своевременность формулирования такой концепции, демонстрируя общую заинтересованность отдельной личности, общества и государства, теоретиков и практиков, юристов и не-юристов в ее создании.

Во-вторых, в содержательной части концепции наряду с множеством других вопросов необходимо осветить действие такого юридико-экономического инструмента правовой политики в сфере юридической ответственности, как страхование. Этот тезис обусловлен весомым значением указанного частно-публичного механизма, непосредственно влияющего на порядок возложения гражданской ответственности на субъектов права. Например, сегодня обязательным является страхование автогражданской ответственности, посредством кото-

рого страхователь перекладывает свою имущественную ответственность перед третьими лицами (выгодоприобретателями по такому договору) на страховщиков, тем самым обеспечивая не только восстановление прав пострадавших граждан и организаций в результате причинения им вреда источником повышенной опасности, но и гарантируя устойчивость собственного финансового положения застрахованного лица, определенный уровень стабильности и предсказуемости его ближайшего будущего. Подобная система перераспределения рисков несения юридической ответственности и ее роль в правовом режиме каждого из видов юридической ответственности должны быть отражены в обсуждаемой Концепции.

Наконец, в-третьих, в заключительной части, описывающей тенденции развития института юридической ответственности, требуется особо выделить основные направления совершенствования существующей системы юридической ответственности с учетом международных стандартов и лучших образцов зарубежного опыта в данной сфере с целью создания почвы для максимально эффективной проработки общих начал Концепции, верного прогнозирования последствий принятия доктринального документа и результатов реализации его положений.

В своем выступлении кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Тольяттинского государственного университета А.Н. Станкин акцентировал внимание на проблемах правовой политики в сфере конституционной ответственности. Конституционно-правовая ответственность является весьма сложным и противоречивым институтом. Во многом это определяется тем, что конституционное право более, чем другие отрасли, связано с политикой. На поведение субъектов конституционного права и, следовательно, на их ответственность существенное, а зачастую определяющее значение оказывает политическая составляющая.

Сами нормы, устанавливающие конституционно-правовую ответственность, в ряде случаев не содержат четких критериев оснований ее наступления. В этом плане исследователями обоснованно критикуются положения Федерального закона от 6 октября № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Например, ст. 3.1. данного закона, предусматривающая ответственность для органов государственной власти субъектов Российской Федерации в случае принятия ими нормативных правовых актов, противоречащих Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам и федеральным законам и повлекших за собой *массовые и грубые нарушения прав и свобод человека и гражданина, угрозу единству и территориальной целостности Российской Федерации, национальной безопасности Российской Федерации и ее обороноспособности, единству правового и экономического пространства Российской Федерации*». Пафосные эпитеты в норме, типа «массовые и грубые» нарушения прав и свобод, возможно, хороши с литературной точки зрения, однако ставят под вопрос возможность ее практического применения.

Другой пример – норма п. «б» ст. 7.2 того же закона, предусматривающая возможность отзыва высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) за *неоднократное грубое без уважительных причин неисполнение своих обязанностей*, установленное соответствующим судом.

И последнее. Дискуссии относительно конституционно-правовой ответственности во многом обусловлены отсутствием ее прямого законодательного закрепления. Без установления в законодательстве четких критериев

конституционно-правовой ответственности невозможно обеспечить становление и развитие России как эффективного правового демократического государства.

В своем выступлении кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Астраханского филиала Саратовской государственной юридической академии, адвокат П.А. Давыдов отметил, что проект концепции правовой политики в сфере юридической ответственности для современной России – это очень важный доктринальный документ, который реально мог бы оказать позитивное воздействие как на теоретическое осмысление самого понятия юридической ответственности, так и на определение юридической ответственности для практического применения при правотворческой и правоприменительной деятельности на различных уровнях.

Однако при формировании структуры данной Концепции необходимо выделить раздел, посвященный субъектам правовой политики, а также конкретизировать и указать, кто же будет являться субъектами правовой политики в данной области.

Полагаю, что под *субъектами правовой политики* необходимо понимать должностные лица или органы государственной власти, граждане и (или) институты гражданского общества, которые, применяя юридические методы и охватывая юридическую сферу деятельности, публично участвуют в выстраивании и осуществлении правовой политики в целях обеспечения прав и свобод человека и гражданина и становления правовой государственности.

При этом под юридическими методами предлагаю понимать разработку и применение нормативно-правовых актов, регламентирующих отношения в сфере конкретного направления правовой политики.

В контексте построения в РФ правового государства необходимо в этом доктринальном документе уделить особое место судебной системе, которая должна быть независимой от иных субъектов и осуществлять правоприменительную деятельность по привлечению к юридической ответственности, прежде всего исходя из принципа своей независимости от иных органов. Такие принципы, как справедливость и законность, при назначении наказания должны стать основными при решении вопроса о привлечении к ответственности. Ведь, к сожалению, современные суды слишком часто игнорируют принцип справедливости и руководствуются лишь формальным следованием закону, без учета совокупности обстоятельств.

Кроме того, в качестве приоритетных задач стратегии правосудия государства следует рассмотреть в концепции обеспечение законности и обоснованности судебных решений, ускорение судопроизводства, развитие примирительных форм разрешения споров, развитие форм участия граждан в осуществлении правосудия, принятие мер по исполнению судебных решений.

Правовая политика органов судебной власти в Российской Федерации, с точки зрения данной Концепции, должна быть направлена на обеспечение надлежащего применения российского законодательства, единства судебной практики, защиту интересов граждан, общества и государства, поскольку при реализации своих полномочий органы судебной власти занимаются непосредственным осуществлением присущего только им особого вида деятельности – правосудия, которое зачастую связано с привлечением виновных лиц к тому или иному виду юридической ответственности.

С докладом выступил кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии Е.В. Черных, который отметил необходимость системного подхода при работе над концепцией правовой политики в сфере юридической ответственности.

Работа по созданию четкой концепции, безусловно, необходима, чтобы: власть знала, что от нее ждет гражд-

данское общество; общество видело бы, что получается у этой власти, а что – нет; ученым – для создания и совершенствования этой концепции, ее эффективности.

К сожалению, приходится признать, что правовая политика в области юридической ответственности не имеет четкого системного изложения потому, что его нет в системе юридической ответственности, во взаимодействии ее структурных подразделений. Иными словами, недостатки в понятии юридической ответственности невольно отрицательно сказываются на разработке и реализации правовой политики в сфере юридической ответственности.

Юридическая ответственность в основном ограничивается ее ретроспективным аспектом, связанным с применением карающих средств к правонарушителю, с которыми зачастую и отождествляется. Применение подобных средств есть следствие безответственности правонарушителя. А где же цель самого явления? Она определяет средства, но не наоборот.

Если брать во внимание другие структурные элементы категории юридической ответственности, нетрудно заметить, что она связана и со стимулами, и с положительной оценкой законопослушного поведения, и с поощрительными средствами, и т. п. Нельзя всю ее сводить к «теневой» стороне, надо учитывать и ее «светлую» сторону (позитивную), выяснять, почему эта тень образовалась. Где есть тень, там есть и светлая сторона.

Нередко часть явления отождествляется с другой частью или выдается за явление в целом, что уже привело к терминологической перенасыщенности, затруднениям в применении терминов, возникновению проблем уточнения их смыслового содержания.

Причины всего этого прежние – отсутствие системного подхода при исследовании структуры юридической ответственности, механизма взаимодействия ее элементов. До сих пор в стороне остается ключевой, базовый, структурный элемент – статусная ответственность. Это, своего рода, «правила игры», статический элемент, без которого не может быть ответственности в динамике, т. е. внешнего отношения к правилам. Поэтому не случайно качества статутного элемента ответственности приписываются позитивному аспекту. Получается, что в одно целое объединяются правила и отношение к ним, которое, кстати, может быть прямо противоположным позитивному.

Итак, важнейшим направлением правовой политики в сфере юридической ответственности является исследование статутного (институционального) аспекта. Значение его основополагающе, и исключение из структуры означало бы невозможность существования юридической ответственности. Без права не может быть правовой ответственности. Именно здесь должны содержаться цели, приоритеты и средства данной политики.

Предварительная ответственность должна устанавливаться своевременно (оперативно). Без ее установле-

ния невозможны индивидуализация и неотвратимость ответственности, а без этого даже блестяще разработанная концепция правовой политики не даст должного эффекта.

Далее, требует уточнения вопрос о том, как юридическая ответственность относится к общеправовому или межотраслевому принципу. Больше внимания следует уделять и вопросам механизма взаимодействия структурных элементов юридической ответственности: ее объективному и субъективному характеру, перспективам развития, взаимоотношению с правоотношениями, правомерным и неправомерным поведением...

Нет порядка и в перечне понятий, употребляемых в сфере юридической ответственности. Под ней понимается возложение, установление, состояние, отношение, привлечение, несение и многое другое.

Есть ли выход из затруднительного положения? Есть. Надо рассматривать категорию правовой ответственности в системе правовых и иных социальных связей, что характерно для метода системно-структурного анализа. Его применение позволит связать отдельные части многогранного явления в одно целое, выявить их диалектическую взаимосвязь, в конечном счете со знанием дела, уместно и без излишеств применять существующую терминологию.

Надеюсь, изложенное поможет в работе над концепцией правовой политики в сфере юридической ответственности.

С краткими выступлениями и в дискуссиях выступили: доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Самарского государственного экономического университета **С.Н. Ревина**; кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и трудового права Тольяттинского государственного университета **Э.А. Джалилов**; кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права Тольяттинского государственного университета **А.А. Мусаткина**; кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и трудового права Тольяттинского государственного университета **И.В. Попядухина**.

В режиме конференц-связи выступили зарубежные участники: член Римского клуба Эстонии, доктор юридических наук, профессор **Андо Лепс**; доктор юридических наук, профессор Естественно-гуманитарного университета в городе Седльце **Яцек Зелинский**.

Обзор подготовлен при поддержке РГНФ – проект 15-03-14036 г «Всероссийская научно-практическая конференция «Круглый стол журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь», «Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки» на тему: «Разработка проекта концепции правовой политики в сфере юридической ответственности»»

REVIEW OF «ROUND TABLE» OF JOURNALS «STATE RIGHT», «LEGAL POLICY AND LEGAL LIFE», «TSU VECTOR OF SCIENCE. SERIES: LEGAL SCIENCE» ON THE THEME: «DEVELOPMENT OF LEGAL POLICY CONCEPT IN THE SPHERE OF LEGAL RESPONSIBILITY»

© 2015

A.V. Malko, Doctor of Law, Professor, Honoured Scholar of the Russian Federation, Director
Saratov branch of the Institute of state and law of Russian Academy of Sciences, Saratov (Russia)

D.A. Lipinski, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector,
Director of the Institute of Law

A.N. Stankin, PhD, associate professor of the Department of
Theory of State and Law of Institute of Law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: This paper provides an overview of the scientific-practical conference, held with the support of RNF project 15-03-140536. The conference participants base their opinion on the structure of the project of the concept of legal policy in the sphere of legal liability. Sections of the project dealing with specific areas of the right-rate policy in the sphere of legal liability are developed.

Keywords: concept of legal policy, law of liability, offense, types of legal policy, positive response of liability, the legal responsibility for the offense.

УДК 343.9:(075.8)

ПОНЯТИЕ И УРОВНИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

© 2015

А.И. Савельев, кандидат юридических наук,
заместитель начальника научно-исследовательского отдела
Омская академия МВД России, Омск (Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, касающиеся многообразия теоретического осмысления понятия, а также соответствующей типологии уровней криминологической безопасности несовершеннолетних. Предлагается введение в научный оборот авторского понятия данного термина.

Ключевые слова: безопасность, несовершеннолетние, уровни криминологической безопасности, мониторинг, преступность.

В настоящее время среди множества проблем, связанных с формированием правового государства, важную роль играют проблемы обеспечения безопасности индивида и общества от противоправных посягательств. При этом нередко личная безопасность представляет собой взаимоотношения индивида, отдельных категорий населения и государства. Следует отметить, что личная безопасность в силу объективных причин не может быть абсолютной вследствие форс-мажорных обстоятельств природного, техногенного характера и ограниченности возможностей правоохранительной системы. Ее пределы во многом определяются соразмерностью ограничения прав и свобод человека потребностями поддержания общественного порядка в публичном праве и надежной защитой от произвольного нарушения прав и свобод личности государством – в частном [1].

В нашем отдаленном прошлом еще во времена СССР понятие «безопасность» ассоциировалось с термином «государственная безопасность», который стал употребляться с 1934 г. при образовании в составе НКВД Главного управления государственной безопасности. Данный термин тем или иным образом отображал официальную точку зрения органов государственной власти на приоритет интересов диктатуры пролетариата перед интересами общества в целом и интересами личности («общество для государства») [2].

Несколько позднее это понятие было включено в официальный текст Конституции СССР и стало употребляться в периодической печати и научных изданиях. Необходимо подчеркнуть, что на протяжении долгих лет этот термин в нашем государстве использовался без какого-либо разъяснения его значения. И лишь в середине XX в. можно встретить попытки рассмотреть эти вопросы на теоретическом уровне.

Ориентировочно до середины 1980-х гг. советское обществоведение под безопасностью понимало, как правило, некий баланс сил между крупнейшими государствами и военными блоками.

Позднее под воздействием масштабных изменений в мировой геополитике изменилось и восприятие советскими учеными всей сущности и глубины вопросов безопасности.

В начале 90-х гг. XX в. происходит расширение круга вопросов и, в свою очередь, предмета исследований в сфере безопасности. При этом отдельное внимание стало уделяться разновидностям и уровням безопасности.

Одно из первых официальных понятий термина «безопасность» содержалось в Законе Российской Федерации 1992 г. «О безопасности» [3]. Согласно данному закону под безопасностью понималось состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. К основным объектам безопасности относились:

- совокупность прав и свобод личности;
- материальные и нравственные ценности общества;
- важнейшие конституционные характеристики государства – основы конституционного строя, внешний и внутренний суверенитет, территориальная целостность.

За то время, когда действовал Закон Российской Федерации «О безопасности», кардинально поменялся характер и количество как внешних, так и внутренних угроз, стали еще более частыми бедствия природного и техногенного характера, между некоторыми государствами на политической арене стали наблюдаться еще более запутанные и натянутые международные отношения. Все эти изменения, в свою очередь, повлекли за собой и новые подходы к стратегии международного взаимодействия в области обеспечения безопасности.

Следует отметить, что в отличие от действовавшего ранее закона, Федеральный закон 2010 г. «О безопасности» не раскрывает понятия безопасности. Вместе с тем в нем содержатся объект, предмет, цели, задачи, принципы и содержание правовых норм, направленных на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации. В то же время данный нормативный правовой акт стал основой разработки и принятия одного из